

Впервые опубликовано в журнале «Славик ревью»: Loukianov M. The First World War and the Polarization of the Russian Right, July 1914–February 1917” // Slavic Review. 2016. Vol. 75. No. 4. P. 872–895. Размещено с согласия издателя журнала – Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОЙ, ИЮЛЬ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 Г.¹

Историки традиционно ассоциируют российскую правую начала XX в. с оппозицией реформе, и компромиссу как основополагающими элементами политического модерна². Не отрицая основательность отождествления российской правой с оппозицией модернизации, стоит подчеркнуть, что та отнюдь не являлась монолитом. Ее представители сильно разнились по отношению к переменам в политической системе, осуществленным в условиях революции 1905 г. Первая мировая война усилила расхождения между ними, что, в конечном итоге, привело к распаду правого движения в феврале 1917 г.

Анализируя причины этого распада, некоторые исследователи связывают его с переходом части правых на сторону их политических противников. Так, биограф одного из самых известных лидеров думской правой - В.М. Пуришкевича, писал: «Общество в своем большинстве переориентировалось на оппозицию, и вместе с ним поспешил это сделать и Пуришкевич»³. Той же логикой руководствовались и оппоненты его героя. Одесский правый И.И. Дудниченко, перед монархическим съездом в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 г., сомневался в «правизне» широко известных политических деятелей: «Посылать ли приглашение Пуришкевичу и Восторгову? Как бы они не стали вредить нам»⁴. Редактора правой газеты «Колокол» В.М. Скворцова на нижегородском съезде характеризовали как «лицо, открыто перебежавшее... в лагерь “прогрессистов” и поддерживавшее “Прогрессивный блок”»⁵. В безразличии к правому движению упрекал лидеров Объединенного дворянства влиятельный правый политик и идеолог К.Н. Пасхалов⁶.

Между тем, критикуемые продолжали считать себя правыми. Пуришкевич заявлял: «...Я не могу покинуть ряды правых, ибо я самый правый, быть может, из всех, кто сидит в правом лагере»⁷. Скворцов также именовал свое издание правым⁸. На неизменной преданности дворянской организации самодержавию – главному политическому принципу правой настаивал А.Д. Самарин, избранный в декабре 1916 г. Пред-

седателем Постоянного совета Объединенного дворянства⁹. Очевидно, правое движение было весьма неоднородным, и едва ли стоит отказывать в принадлежности к нему тех, кто в условиях войны разошелся с прежними единомышленниками.

В настоящей статье предполагается проанализировать процесс политической дифференциации российской правой в период Первой мировой войны. При этом основное внимание будет уделено не их политическим акциям, а взглядам и настроениям, не тому, что правые *делали*, а тому, что *думали* и *чувствовали*¹⁰. Исследование опирается, главным образом, на источники личного происхождения, переписку и дневники, дающие наиболее полное представление об идеологическом облике и настроениях их авторов.

Правая накануне Первой мировой войны

Накануне войны среди правых существовали серьезные разногласия относительно политического порядка, сформировавшегося после революции 1905 г. прежде всего, по поводу законодательных учреждений. Крайние правые – сторонники А.И. Дубровина, исходили из того, что, несмотря на изменения в Основных законах, Россия оставалась самодержавной монархией. Законосовещательные Государственная Дума и Государственный Совет должны были *помогать* царю формулировать законы. «В России, согласно основным Законам и Государевым манифестам государственная дума учреждена не для законодательной, а для законосовещательной работы», - утверждало крайнее правое «Русское знамя»¹¹.

Члены правых фракций акцентировали внимание на недостатках новой системы власти и доказывали необходимость ограничить думские полномочия. Правый думец Г.А. Щечков доказывал принципиальную несостоятельность идеи принятия решений большинством¹². На расширении монаршей прерогативы настаивал крупнейший консервативный теоретик, редактор-издатель «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров. Он предлагал сделать равноправными два способа принятия законов: с участием Государственной Думы и Государственного Совета и без них – высочайшим повелением¹³. В ходе избирательной кампании 1912 г. правый Союз Михаила Архангела высказывался за «соучастие народа в правлении в виде законосовещательной Думы, по примеру древних Земских Соборов»¹⁴. Выступали правые и за ужесточение избирательного законодательства¹⁵. Иными словами, накануне Первой мировой войны российские

правые выражали негативное отношение к политической модернизации и предлагали радикально изменить политический порядок, определенный Основными законами 1906 г.¹⁶

Не одобряли они и внешнеполитическую стратегию России, превращавшую Германию в главного противника в грядущей войне. Знаменитая «Записка Дурново», была лишь одним из множества текстов, доказывавших крайнюю нежелательность военного конфликта между Россией и Германией, представлявших консервативное начало в европейской политике¹⁷.

Вместе с тем, среди правой существовала и прямо противоположная тенденция - адаптироваться к новым политическим реалиям и использовать их в своих интересах. Орган Союза Михаила Архангела «Прямой путь», порицая оппонентов представительных институтов, призывал рассматривать работу в них как дополнительную возможность противодействовать «конституционным вождедениям»¹⁸. Председатель Постоянного совета Объединенного дворянства, член правой фракции Государственной Думы (впоследствии - Правой группы Государственного Совета) А.А. Бобринский настаивал на необходимости «сохранить Думу, соблюсти ее чистоту, поднять ее престиж, с целью, чтобы Государственная Дума стояла на той высоте, на которую желал ее поставить Российский Самодержец...»¹⁹.

«Дух 1914 года» и правая

Начало войны вызвало у правых противоречивые эмоции. С одной стороны, она была воспринята как угроза консервативной тенденции в европейской политике. С другой – война способствовала всплеску патриотических настроений, объединившим население вокруг монарха.

По утверждению редактора ориентировавшейся на думскую правую «Земщины» С.К. Глинки-Янчевского, конфликт Германии и России, «двух наиболее сильных монархий, являющихся оплотом *христианской* цивилизации» грозил самому ее существованию²⁰. Но одновременно война оказалась фактором внутривнутриполитической консолидации. «...Русский народ встретил врага в полной боевой готовности, а все наши внутренние раздоры и неурядицы потухли мгновенно при первом же порыве военной бури», - писали «Московские ведомости»²¹. «Вся Россия – одна семья», - гласил заголовок редакционной статьи «Колокола»²².

Судя по источникам личного происхождения, публичные восторги были вполне искренними: в частных письмах высказывались точно также. «...Данных бояться за Петербург нет, и петербургские обыватели не выказывают страха. ...В общем, и в Москве, и в Петербурге настроение прекрасное, движение запасных спокойное, слухи хорошие», - отмечал сторонник Дубровина, академик А.И. Соболевский²³. Аналогично рассуждали члены правых фракций представительных учреждений.

Правым казалось, что общественное единение сформировалось на сугубо консервативной основе. «Сейчас, по крайней мере, пока идет война, нет тех, с кем мы воевали, нет революционеров, нет космополитов и т. д. Вся Россия стала черносотенной, крайне правой», - уверяла член руководства Союза Михаила Архангела С.Л. Облеухова²⁴. Особо отмечался тот факт, что символическим центром социально-политической консолидации стал царь. «...Можно ли было ожидать четыре месяца назад, что многотысячная толпа студентов на коленях будет петь перед Зимним Дворцом?...», - задавал риторический вопрос подмосковный дворянский деятель А.К. Варженевский²⁵.

Война парадоксальным образом превращалась в отправной пункт для улучшения положения дел в стране. «Война нынешняя – это для нас прямо Божье чудо и Божья милость. В нашей болезни она лекарство горькое и страшное, но необходимое. Уже с самого начала война переродила русское общество: все мы преображены, к нам вернулось наше здоровье, а вместе с ним и наша сила, наша решимость», - рассуждали «Московские ведомости»²⁶. Правый думец С.А. Володимеров надеялся, что война ослабит влияние либеральной интеллигенции на российское население. «Пусть военная гроза очистит... душный туман либерального интеллигентизма. Россия воскреснет к величию и славе, свободная от либерализма»²⁷.

Правая и российский вариант «Священного единения»

Несмотря на позитивную оценку правыми реакции российского общества на начало войны, среди них не было единства в вопросе о том, как использовать патриотический подъем. Уже в июле-августе 1914 г. определились два полярных варианта внутривластной стратегии российской правой. Часть правых политиков и идеологов сочли, что война и патриотическая консолидация создают подходящие условия для ограничения (в идеале – ликвидации) демократических институтов и процедур, своеобразного консервативного реванша. Их оппоненты, наоборот, интерпретировали

подъем патриотических чувств населения как доказательство эффективности реформаторской политики и поддержали курс на «Священное единение».

Значительная часть правых принципиально не одобряли диалог с властью с оппозицией. «Пугает меня тот либеральный курс, о котором пишут либеральные газеты. За что вдруг такая милость прогрессистам и жидам? За то, что они прошлись несколько раз по улицам с национальным флагами», - писал одесский крайний правый политик Н.Н. Родзевич²⁸. Любые шаги навстречу либералам вызывали раздражение у петербургского соратника Дубровина – Б.В. Никольского. «В Думе все прилично, кроме хулиганского братанья Маркова и Пуришкевича с Милюковым. Стоят друг друга, хотя вопреки поговорке, три сапога пара», - записывал он в дневник под впечатлением думского заседания 26 июля 1914 г.²⁹.

Особенно беспокоило крайних правых воззвание Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича «К полякам!», обещавшее после победы над Германией и Австрией воссоединить польские земли в рамках Российской Империи и предоставить им широкую автономию. «Русское знамя» не видело смысла апеллировать к полякам, из-за их ненависти к России³⁰. Соболевский считал воззвание плодом излишнего «нервничания» со стороны правительства³¹.

В разумности ориентации на уступки сомневались и более уважаемые правые. А.К. Варженевский и Н.С. Мальцов опасался, что польская автономия ослабит русское влияние в империи³². «...Правительство выдает чересчур много векселей, расплата по которым будет тяжела», - полагал Зверев³³. С ним соглашался и другой член Правой группы в Государственном Совете – С.Д. Шереметев соглашался: «Верховный Воевода ударился в возвания рискованного и неопределенного характера»³⁴. Смущало оно и симпатизировавшим правых высокопоставленных бюрократов. Как вспоминала жена И.Г. Щегловитова, ее супруг – министр юстиции, называл документ «началом конца России»³⁵.

Критики представления о том, что социально-политический компромисс позволит обеспечить прочный тыл, предлагали действовать диаметрально противоположным образом – воспользоваться войной для ограничения роли представительных институтов. Редактор «Земщины» советовал правительству отказаться от созыва Государ-

ственной Думы и Государственного Совета и решать финансовые вопросы без их участия³⁶.

Вместе с тем, обнаружили среди правых и те, кто увидел в массовых проявлениях патриотизма аргумент в пользу реформ и счел курс на умиротворение оппозиции вполне оправданным. Такой точки зрения придерживался И.И. Восторгов. Он восхищался патриотическим подъемом и полагал, что война облегчит осуществление полезных с его точки зрения перемен. «Какой момент мы переживаем! Это единение всех в России, грядущие победы, в которые я верю, новая конъюнктура условий церковно-политической жизни, новое положение России и православия по отношению к Востоку и славянству, отсутствие необходимости давать уступки и реформы по требованию снизу и возможность дать их сверху по волеизъявлению власти...». Война упрочила положение Думы: «Упразднить Думу теперь уже нельзя: она цементирована войной». Правые не могли возражать против социальных реформ: «...Против наделения крестьян землей и рабочих законодательством, обеспечивающим их права, мы и сами не будем говорить».

По поводу других преобразований Восторгов был готов спорить, но с порога их не отвергал. Это касалось, в частности, уравнивания статуса национальных и конфессиональных групп в империи, расширения полномочий Думы. Он советовал искать политическую опору в социальных низах. «Пора нам махнуть рукой на дворян и капиталистов. Нам с ними не по пути: наш идеал – церковно-народный»³⁷.

По мнению Облеуховой, правым следовало, скорректировав тактику, добиться превращения массового патриотизма в перманентный фактор политической жизни. «Из воинствующей армии они (правые - М.Л.) должны будут превратиться в культурных работников, поддержать и крепить путем школы и другими путями тот могучий дух национализма, который проснулся во всех и удержать народ на этой высоте навсегда», - писала она Пуришкевичу³⁸. Последний, разделяя энтузиазм автора, демонстрировал готовность примириться с теми, к кому еще недавно проявлял нарочитую враждебность. Пуришкевич попросил его «познакомить» с Милюковым (т.е. официально ему представить), хотя еще в 1909 г. называл имя кадетского лидера «синонимом духовной проституции, измены Отечеству и рабского подчинения воле еврейского кагала»³⁹.

В дальнейшем, как сторонники «жесткой линии», так и политического диалога, углубляли и конкретизировали свою аргументацию. Пуришкевич в январе 1915 г. подчеркивал важность военного опыта социально-политического единения, «чтобы, может быть, потом найти язык более благородных разговоров между собой в дальнейшем будущем и язык, быть может, взаимного понимания»⁴⁰.

Концептуализацией такого подхода активно занимались журналисты «Колокола». «И либералы, и консерваторы нашли ныне примиряющее начало в чувстве государственности и народности, народности великодержавной, олицетворение этой государственности», - утверждалось в редакционной статье⁴¹. Особое значение придавалось межнациональному и межконфессиональному взаимодействию. Для обозначения правильного принципа его организации колумнист газеты П.Н. Янов использовал понятие «империализм». Под ним понималось «мирное сожительство и взаимное сотрудничество подвластных племен под руководством первенствующей, державной народности на общее благо и на пользу общую»⁴².

В контексте межнациональных отношений особое значение придавалось вопросу о Польше. С осени 1914 г. он стал объектом пристального внимания членов «Самаринского кружка» - объединения правых интеллектуалов во главе с видным дворянским и церковным деятелем Ф.Д. Самариним. Итогом обсуждения проблемы стала записка «По поводу “Воззвания” Верховного Главнокомандующего к Польскому народу». В ней указывалось, что автономия Польши не привела бы к прочному союзу русских с поляками, так как те стремились к независимости. Поэтому наиболее рациональным вариантом решения проблемы в будущем провозглашалось полное отделение Польши от России⁴³.

Однако большинство правых предлагало обеспечить решение внутривосточных и имперских вопросов, не на основе уступок и компромиссов, а команды сверху. Поборники такого подхода к национальной мобилизации четко разграничивали роли государства и общества: первому предстояло быть ведущим, а второму – ведомым. Смысл существования Думы состоял в том, чтобы помогать правительству во всех его начинаниях, – настаивал ключевой деятель думской правой - Н.Е. Марков⁴⁴. «Русское знамя» высказывалось резко: «...Руководящую роль в совместной работе должно играть правительство как орган, облеченный полномочиями свыше»⁴⁵. Министров, ори-

ентировавшихся на политический диалог, газета упрекала в «заигрывании с общественностью»⁴⁶.

Впрочем, установка на утверждение всесильной государственной власти не мешала поборникам жесткой линии осуждать решения, принятые на самом верху. Важнейшим объектом такой критики оставался Манифест Николая Николаевича. Марков опасался, что он мог ухудшить положение русских, проживающих на автономных территориях⁴⁷. Пасхалов подчеркивал: «Чтобы страна оставалась спокойна, не следует поощрять ее стремлений к обособлению». Оптимальным вариантом решения вопроса он считал предоставление польским территориям «внутреннего самоуправления... при твердой охране интересов Русской государственности»⁴⁸.

Создание Прогрессивного блока и новый тур разногласий среди правых.

Летом 1915 г. правые политики и идеологи приняли активное участие в спорах о причинах неудач на фронте и оптимальных формах организации военных усилий. По мнению крайних правых, трудности на фронт и в тылу стали результатом и отсутствия четкой дисциплины в тылу и уступок оппозиции. Особенно негативное впечатление на правых произвел уход в отставку в начале июня наиболее близких им членов правительства – Н.А. Маклакова и И.Г. Щегловитова. На Никольского изменения в составе правительства произвели «убийственно гадкое впечатление»⁴⁹. Другим основанием для беспокойства стало вступление в правительство Н.Б. Щербатова и А.Д. Самарина, воспринимавшихся как представители общественных организаций в высших эшелонах власти. Соболевский намекал на сходство ситуации с кануном революции 1905 г.: «У нас опять начинается весна под руководством Горемыкина»⁵⁰. На фоне этих страхов среди крайних правых распространялась идея давления на правительство с целью заставить его придерживаться правильной с их точки зрения линии. В конце июня 1915 г. Одесский Союз русских людей, выступил с инициативой организовать всероссийское совещание (съезд) монархистов. Идею поддержали саратовские правые, предложившие для его подготовки провести «малый съезд» в Саратове⁵¹.

Сторонники давления на власть справа с большим скепсисом отнеслись к перспективам новой сессии представительных учреждений. Глава Правой группы Государственного Совета П.Н. Дурново писал: «С самого начала агитации о скорейшем созыве законодательных учреждений, я признавал такой созыв не только бесполезным,

но, безусловно, вредным в политическом отношении...»⁵² В первый же день сессии он выступил с речью, в которой доказывал, что победу в войне обеспечит, не компромисс, но твердый приказ и его неукоснительное исполнение⁵³.

Рассуждения Дурново вызвали восторг Никольского: «Речь Дурново великолепна. ...это первое, рокотанье отпора. Как сильно, властно и твердо!»⁵⁴. Впрочем, он сомневался в том, что царь и министры воспользуются рекомендациями Дурново. Ситуация вызывала самые серьезные опасения. «...Флюгер метнулся влево, и вся игра идет на ставки влево. Насколько я понимаю, Царь еще не стал на этот путь, но ни в ком не видит опоры»⁵⁵. По мнению Н.А. Маклакова, ставшего после ухода из правительства одним из ключевых персонажей в Правой группе Государственного Совета, монарха окружили люди, «которые притворяются... преданными ЦАРИЮ, а работают на пагубу его прав, а, может быть, и трона»⁵⁶.

Создание Прогрессивного блока в середине августа 1915 г. укрепило худшие опасения этой части правых и способствовали их консолидации на основе сформулированного Дурново положения о том, что ключ к успеху – в твердости приказа и неукоснительности его исполнения. Оппоненты блока сразу же попытались убедить правительство в необходимости жесткого ему противодействия. 23 августа 1915 г. к Председателю совета министров обратился руководитель Объединенного дворянства А.П. Струков⁵⁷. Он призвал главу правительства ни в коем случае не уступать требованиям оппозиции. «Только незыблемость основ существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре и на местах, врученной Государем лучшим, преданным Ему и осведомленным людям из обширного русского общества оградит страну от шатания мыслей и внутренней смуты...»⁵⁸. На решительной борьбе с блоком настаивало и состоявшееся 27-29 августа 1915 г. совещание правых в Саратове⁵⁹.

В течение осени 1915 г. правые, публично выступавшие за решительное противодействие Прогрессивному блоку, в личной переписке постоянно обрушивались на «попустительствовавшее» блоку правительство. «...Гос. Дума... начала свою вакханалию под флагом спасения России от внешнего врага при явном и благосклонном попустительстве преобразованного кабинета...», - заявлял Зверев⁶⁰. «...Раствление государственности идет не снизу, а из министерских кабинетов, Даже пресловутый желтый

(прогрессивный) блок Гос. Думы и Совета мог осуществиться только под руководством и трудами некоторых Министров. А ведь игра этого блока есть игра антидинастическая, антигосударственная», - утверждал Марков⁶¹.

Казалось, правительство располагало всеми необходимыми ресурсами для наведения порядка в стране: следовало лишь должным образом употребить власть. «Надо только... снять кое с кого придворное звание, посадить на место гг. Министров... подтянуть городских голов, посмевших голосовать в городских Думах политические резолюции, и все будет быстро упорядочено», - советовал в сентябре 1915 г. Маклаков⁶².

Однако в вопросе о том, как подтолкнуть власть к решительным шагам, единства не было. Дубровин предлагал добиваться ужесточения внутренней политики, избегая публичности «...У нас решено, пока не шуметь, а тихо /конспиративно/ делать свое дело – списаться с единомышленниками, лучше лично, и подготовить все для оказания сопротивления преступному натиску»⁶³. Но ориентация на действия «тихой сапой» устраивала далеко не всех. Родзевич, писал Дубровину: «Совершенно согласен с вами, что время страшно тревожное. Не согласен, однако, с тем, что работать надо тихо; напротив, шум производит влияние на власть имущих»⁶⁴.

Отсутствовало единодушие и в том, следовало ли делать ставку на объединение всех правых или полагаться на крайние, наиболее радикальные элементы среди них. Родзевича смущали распри между думскими правыми и дубровинцами. «К Маркову и Пуришкевичу можно относиться без большого доверия, в их руки дела не отдадим, но использовать их теперь полезно»⁶⁵. «Чем больше нас будет, тем сильнее будет звучать наш голос», - рассуждал Дудниченко⁶⁶. Высказывались на этот счет и противоположные мнения. Председатель Тульского губернского Союза русского народа М.А. Орфенов полагал, что было бы «желательно иметь совещание по поводу последних событий и дел Союза только одним /чистой воды/ союзникам и монархистам, а не маргариновым...»⁶⁷. Аналогичным образом рассуждал и Пасхалов⁶⁸.

Преодолеть эти разногласия так и не удалось. Вместо одного монархического съезда, в ноябре 1915 г. состоялось два – в Петрограде и Нижнем Новгороде. Резолюции съездов развивали одни и те же темы. Выдвинутый Прогрессивным блоком лозунг «министерства доверия» трактовался как покушение на основные законы и монаршую прерогативу; из этого делались выводы о недопустимости примирения с блоком и

необходимости установить как можно более полный контроль государственных органов за всеми проявлениями политической и социально-экономической активности⁶⁹.

Наряду с общими мотивами, в работе Петроградского и Нижегородского съездов присутствовали заметные различия. Ведущая роль на первом принадлежала столичным правым деятелям, связанным с соответствующими фракциями Государственной Думы и Государственного Совета, тогда как в Нижнем Новгороде были заметнее провинциалы-дубровинцы⁷⁰. Это обусловило больший радикализм участников Нижегородского съезда, которые, в частности, предлагали начать уголовное преследование в отношении членов блока⁷¹.

С другой стороны, собравшиеся в Петрограде гораздо решительнее, чем их нижегородские коллеги, стремились навязать руководству страны свою политическую линию. На этой почве у нового руководителя Правой группы Государственного Совета А.А. Бобринского, даже возникло опасение, не «переборщивают» ли участники съезда в давлении на власть. «Съезд монархистов представляет из себя, как-никак, улицу; правую улицу, но все же толпу... Но улица, хотя бы и совсем правая, не должна бы... позволять себе давать указания государю или критиковать его действия»⁷².

Крайняя правая изначально ориентировалась на реализацию своей линии административными методами. Ставка делалась не на завоевание общественных симпатий, а на использование «административного ресурса». «...Те незначительные кучки правых, которые существуют в городах под названием разных союзов, мало в этом отношении принесут пользы. Необходимо, чтобы во главе всех ведомств на ответственных постах стояли люди правых убеждений; надо добиваться этого», - говорилось в письме правому думцу Г.Г. Замысловскому⁷³.

Известный правый публицист Н.А. Павлов, комментируя решения петроградского съезда, сравнивал голос общества с «лепетом», не слышным «за громами мировых стихий». Чтобы навести порядок в стране, следовало «собирать» власть, ограничивая круг принимающих решения. «Нам нужна теперь, как никогда, вся сила власти, а мы ослабляем то, что у нас есть. Нам нужно средоточие власти в одних сильных руках, нужно искать сильную бодрую волю, а мы даем работе, и самой жизни расплзаться в совещаниях, комитетах и думах...»⁷⁴.

Недовольство ситуацией летом – осенью 1915 г. было характерно и для более умеренных элементов. «А нервы так устали, так устали..., - писал Восторгов. - И война тяжелая, неудачи гнут, и этот погром, и беспомощность народа и полный маразм власти... Эх лучше уж и не говорить»⁷⁵. В начале думской сессии растерялись даже руководители думской фракции правых, которая поддержали выдвинутую националистом В.А. Бобринским формулу перехода о необходимости доверия в отношениях между правительством и населением, прямо противоречившую рассуждениям Дурново о приказе⁷⁶.

Однако если вскоре Марков дезавуировал этот шаг и высказался за решительную борьбу с блоком, то Восторгов продолжал смотреть на ситуацию как бы «со стороны», допуская возможность любого ее развития. «Думаю, что революция теперь пока бессильна. После войны – дело другое, – писал он в сентябре 1915 г. . - Назревает сильное движение и предстоит бой правительства с интеллигентной оппозицией. Победит тот, кто будет твердо верить и в свою правду, и в свое право, и в свою силу»⁷⁷.

Отказались от однозначной идентификации с противостоянием Прогрессивному блоку и многие дворянские объединения. Несмотря на попытки Струкова представить обращение к главе правительства выражением мнения всего дворянского сословия, значительная часть Объединенного дворянства осудила своего лидера. Ряд губернских дворянских организаций выступили против письма, как по формальным основаниям (Струков не получил их санкции), так и из-за несогласия с содержанием. Этот конфликт способствовал поражению правых на выборах от дворянства в Государственный Совет осенью 1915 г., когда Правая группа не сумела провести ни одного своего кандидата⁷⁸.

Дистанцировавшийся от коллег по думской фракции В.М. Пуришкевич также не поддержал конфронтацию с блоком, и в его лице – с народным представительством. Вместо взаимных упреков, правительству и представительным учреждениям следовало объединить усилия для стабилизации тыла и обеспечения победы на фронте⁷⁹. Он крайне негативно отнесся к ноябрьским монархическим съездам. Все население, по его мнению, и так единодушно стремилось к победе, а рассуждения о необходимости борьбы с революцией только подрывали это единство и дискредитировали правых. «...Где же теперь революция? Да она есть, но только в мозгах у таких политических

деятели, как Щегловитов, Дубровин, Пасхалов, Торопов (участник съезда в Петрограде.- *М.Л.*) и др. Созыв съезда это не партийная ошибка, а государственное преступление со стороны правых, отбрасывающих от себя народные массы своими несвоевременными, беспочвенными и крикливыми выступлениями». Пуришкевич не возражал против съезда правых, однако предлагал провести его после войны, созвав «не съезд для борьбы с несуществующей революцией, а съезд объединенных правых деятелей для пересмотра и выработки политических программ, более отвечающих тому, что я видел на войне, в смысле примирительной политики в отношении к иностранцам»⁸⁰.

По-прежнему ратовал за политический компромисс «Колокол». Ведущие журналисты газеты роль главного политического актора отводили правительству. Тому предстояло наладить взаимодействие с обществом, в свою очередь, искренне заинтересованном в контакте с властью⁸¹. Крайних правых обвиняли в том, что, настаивая на жестком контроле над массами, они подрывали доверие народа к монарху⁸².

Блок также порицали за жесткость и неуступчивость⁸³. Компромисс провозглашался самым рациональным способом решения политических вопросов⁸⁴. Янов сравнивал российский политический ландшафт с речной долиной. Один берег занимало общество – «прогрессивное единение», другой – бюрократия и «консерваторы» (очевидно, под ними разумелись правые). Монархию («Царев курган»), автор располагал на том же берегу, что и «прогрессивное единение» и характеризовал как «украшение нашего исконного национал-либерализма, теперь осознанного, того истинного свободомыслия, которое никогда не посягало на монархические устои» [курсив мой.- *М.Л.*]. Задача связать оба берега возлагалась на «правительственные круги». Им предстояло обеспечить синтез различных политических установок и взаимодействие конфликтующих сил. «Правительственные круги у нас не чужды прогрессивных намерений, но и либеральный курс должен иметь консервативную опору»⁸⁵. Ориентацию исключительно направо Янов объявлял принципиально недопустимой. «Консерватизм – опора правительству. Конечно. Но не всегда и не во всем. Надо знать, какие устои государственно необходимо охранять, что защищать и как защищать. ... реакция есть такой же враг истинного консерватизма, как и революция и беспочвенный радикализм»⁸⁶.

В редакционных статьях призывы к решительной борьбе с Прогрессивным блоком оценивались как «тупые озлобленные советы верхам власти – ничего не уступать, держать общественность в ежовых рукавицах...»⁸⁷. И, наоборот, в протестах против Струкова виделся позитивный знак «возрождения дворянства»⁸⁸. Газета резко осудила ноябрьские съезды: они мешали «деловой работе Царского правительства», и представляли собой попытку узурпировать Верховную власть⁸⁹. Альтернативой такой политике должен была стать «здоровый консерватизм», опирающийся на «действительный деловой союз власти и общества на почве взаимного уважения, объединения ради славы России»⁹⁰.

Его создание требовало консолидации консервативной общественности, призванной уравновесить ее либеральный сегмент⁹¹. В конце 1915 г. колумнист «Колокола» Вл. Руадзе подготовил специальную записку «О милитаризации правого движения в России». Констатируя, что «монархические союзы явились не поддержкой правительственной политики, осторожной и вдумчивой, а скорее едкой критикой, вносящей окончательный развал в организацию правого движения», он предложил объединить все правые организации в единую «царско-народную партию». Управление ею следовало организовать на армейский манер, сделав правительство руководящим центром. Фактически, Руадзе противопоставил намерению части правых использовать государственные институты в собственных интересах, идею превращения последних в инструмент в руках правительства⁹².

Правые и «осада власти»

Несмотря на все усилия, сторонники давления на власть справа оставались недовольными его результатами, как при Горемыкине, так и при сменившем его в конце января 1916 г. Б.В. Штюмере. Неготовность министерства солидаризироваться с крайними правыми воспринималась как проявление несостоятельности и правительственной бюрократии и существующей политической системы. Негативное отношение правых к находившимся у власти выражал бывший правый думец А.С. Вязигин. «Трудно даже сказать, кто более революционно настроен, правые ли низы или левые интеллигентные круги. Характерно, что недовольство объединяет и тех, и других, и сколько раз мне из правых уст приходилось слышать поговорку: рыба гниет с головы. В глазах русских людей власть имущие позорно оскандалились»⁹³.

Председатель нижегородского съезда К.Н. Пасхалов был обижен не только на бюрократов, но и лично на царя, не прореагировавшего на приветствие делегатов. «Мы защищаем священный государственный идеал, который считаем единственно спасительным для России, и вместо поддержки, вполне заслуженной, - ничего...»⁹⁴. Успокаивая Пасхалова, близкий к нему Д.А. Хомяков называл царя «постоянно хитрящим» и «безвольным»⁹⁵.

Утверждения о неадекватности «сфер» стоявшим перед страной задачам и безразличии к сторонникам монархии зачастую трансформировались в обвинения бюрократической верхушки в негативном отношении и даже враждебности к правым. «Конечно, мы останемся верны нашей идее государственного строения Руси, - писал Пасхалов, - но не наш идеал осуществится: мы смяты и противниками, *и теми, за чьи права боремся* [курсив мой.- М.Л.]...»⁹⁶ Его адресат – Дудниченко – соглашался: «Теперь монархическим организациям надо рассчитывать только на себя, так как двери русской государственности для нас заперты именно тем, кто должен был открыть их настежь»⁹⁷.

Дубровин воспринимал происходившее как проявление уже начавшейся катастрофы. «Что там не говорите, а мы в сущности все Дон-Кихоты: играем в ничью и служим мишенью как для левых, так и для начальства... Развал идет гигантскими шагами, и вряд ли удастся что-либо предупредить или устранить – нельзя быть роялистом больше короля»⁹⁸. «...Все клонится к гибели всего дорогого, рушатся все основы государственные, каждый день приносит подтверждение всеобщего крушения всех устоев...», - утверждал Пасхалов⁹⁹.

Вина за это возлагалась не только на бюрократов, но и на государя, которого особенно укоряли за посещение в феврале 1916 г. Государственной Думы. Варженевский видел в нем символическую капитуляцию перед представительством¹⁰⁰. Соболевский отказывался понимать смысл монаршего визита¹⁰¹. А Никольскому приход царя в Думу казался одновременно результатом «жидовско-масонской интриги», влияния Распутина, и даже происков «мартинистов», которые «расхватили ниточки и губят вымирающую династию, захватив ее гнилые похоти, слабости, неврастенические порывания и пристрастия»¹⁰².

При этом признавалось, что возможности политического давления справа были невелики. «...Нам нечем пугнуть правительство... - у нас нет в руках ни общественных организаций, ни их жидовских средств. А собрать ничтожный съезд, и по количеству участников, и по отсутствию мало-мальски влиятельных людей, значит только скомпрометировать наше дело», - замечал Пасхалов¹⁰³.

Не переломили эти настроения и военные успехи в ходе летней кампании 1916 г. По мнению крайних правых впереди предстояли еще большие потрясения. «Положение России не только тревожно, но и грозно, может быть, гораздо грознее, чем было в 1905 г. С тех пор правительство обессилело себя бесконечными уступками разрушительным стремлениям, которые настолько же увеличивают это последнее», - утверждал Пасхалов¹⁰⁴. Дудниченко констатировал: «Становится неизменным, что мы идем к революции»¹⁰⁵.

Помочь в борьбе с революционными выступлениями могли не уступки, а насилие. «Политика уступок – это роковая ошибка. Эта политика никогда к добру не приводит, - утверждал редактор «Земщины». – Она вызвала потрясения в 1905 г., вызовет еще более опасные потрясения и теперь. С врагами нужно бороться, а не делать им уступки, принимаемые за слабость»¹⁰⁶.

В этой атмосфере более широкое распространение получили призывы к радикальной реформе политических институтов, слому статус-кво справа. Даже в военное время тезис о желательности пересмотра Основных законов 1906 г. не исчезал из правого дискурса. В августе 1914 г. правый думец С.В. Володимеров выражал надежду, что опыт войны даст убедительные аргументы в пользу пересмотра теоретических оснований участия населения в законотворческой деятельности. *Право* стоило бы заменить *обязанностью*, а «парламентскую игру в политическую арифметику выборных законосоставительных голосований» - «высоконравственную повинность православного русского народа земско-соборной помощью Самодержавному Царю в Его Государевом деле»¹⁰⁷.

В августе 1915 г. редактор-издатель правой газеты «Волга» и председатель Саратовского совещания (съезда) правых Н.П. Тихменев в обращении к правым организациям также указывал на важность изменения Основные законов. Последние только связывали руки правительству правительству, вынужденному «опираться на зыбкую

почву *виттевского законодательства 1906 г.*... [курсив мой. – М.Л.]»¹⁰⁸. Впрочем, на ноябрьских съездах организаторы расставили акценты иначе, представив себя защитниками Основных законов, а сторонников «министерства доверия» – их нарушителями. Очевидно, в тот момент сохранялись надежды, что если правительство приступит к реализации жесткой политической линии, ситуацию можно будет исправить, не прибегая к мерам институционального характера.

Однако уже в первой половине 1916 г. вопрос о реформе политических институтов снова стал рассматриваться как актуальная политическая задача. Ее необходимость объясняли развалом механизма управления страной. Тихменев писал в мае 1916 г., что во властных учреждениях царит «хаос невообразимейший», вызванный наличием нескольких конкурирующих центров власти, причем наиболее слабым из них оказывался Совет Министров¹⁰⁹. В мае 1916 г. проект институциональной реформы разработал Тиханович-Савицкий. Ключевую задачу политического переустройства он видел в том, чтобы дать монарху всю полноту власти, превратить его из «государя – чиновника» в «царя – хозяина», издающего законы помимо Государственной Думы и Государственного Совета¹¹⁰.

В августе 1916 г. в «Русском знамени» появилась статья «Министр» за подписью И.Л. Цытовича. Автор предлагал создать непосредственно подчиняющееся государю «Высшее государственное попечительство» для того, чтобы направлять и контролировать деятельность отдельных министерств и правительства в целом¹¹¹. Три месяца спустя свой вариант переустройства высших государственных учреждений предложил ведущий журналист «Русского знамени» Д.И. Булатович¹¹². Ключевая роль в проектируемой системе управления он отвел «Совету шефов», объединявшему назначаемых царем руководителей различных отраслей управления. Осуществляя общее, политическое, руководство, «Совет шефов» олицетворял бы собой «правительствующую (правительственную) власть», которой должны были подчиняться министры – носители власти «управительной» (исполнительной)¹¹³. «В государстве необходимо строгое различие трех видов властей: Верховной, Правительствующей и Исполнительной, со строгим подчинением третьей – второй и второй – первой», - рассуждал автор¹¹⁴. Таким образом, соподчинение властей оказывалось предпочтительнее их разделения. Наряду с реконструкцией государственных учреждений, Булатович настаивал на уста-

новлении четкого правительственного контроля над общественными организациями¹¹⁵.

Охарактеризованные выше проекты появились еще до открытия ноябрьской сессии Государственной Думы и Государственного Совета, т.е. еще до начала «штурма власти» и выступали как проекты «революции справа» или «превентивной контрреволюции».

Статус-кво не устраивало и более умеренные элементы среди правых. «...Нужен ряд реформ, нужна реорганизация многих отраслей управления...», - говорил в Думе в феврале 1916 г. Пуришкевич. Но в отличие от крайних правых, стремившихся ужесточить монарший контроль над правительством, он настаивал на необходимости усиления самостоятельности и организованности правительства на основе принципа министерской солидарности. Оратор брал под защиту общественные организации, уверяя, что «без общественных сил и общественных организаций в области санитарной, Россия не могла бы бороться так, как она борется в настоящее время...».

Демонстративно разрывая с собственным политическим прошлым, он утверждал, что война изменила его взгляды на национальный вопрос: из «ненавистника» поляков он превратился в их «величайшего друга». Да и к евреям отношение Пуришкевича изменилось: признаваясь в неприязни к ним, он отказывался воспринимать евреев как первопричину всех несчастий. В той же речи имевший до войны репутацию одного из самых скандальных и непримиримых политиков Пуришкевич заговорил о принципиальной необходимости искать общий язык, сохранять политический диалог, сложившийся в условиях войны, и после ее окончания. «Можно и должно найти достойный язык для споров, и он будет найден, говорю я, ибо мы привыкли, хочется верить, уважать друг друга, объединившись в общем патриотическом порыве за полгода войны...»¹¹⁶.

Эти соображения были развиты в брошюре «Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов». Автор утверждал, что война породила небывалое общественное единство, которому угрожала вовсе не оппозиция, а чиновник, боящийся массового патриотического подъема¹¹⁷. Пуришкевич не сомневался, «что после окончания войны русская прогрессивная мысль возьмет верх над консервативной, что либеральное течение будет главенствовать»¹¹⁸. Эволюция знаменитого правого деяте-

ля вызывала оторопь у его прежних соратников. «Куда идет Пуришкевич?! Да неужели он решил совсем порвать с нами?!», - вопрошал в феврале 1916 г. Дудниченко¹¹⁹. И спустя восемь месяцев, еще до начала последней думской сессии, давал на свой вопрос утвердительный ответ¹²⁰.

Весь 1916 г. продолжались ожесточенные дебаты вокруг письма Струкова в Объединенном дворянстве. Не ограничившись осуждением письма, некоторые дворянские объединения заявили о выходе из организации. По сведениям управляющего делами Постоянного совета С.А. Панчулидзева, по состоянию на начало февраля 1916 г. в знак протеста против письма Струкова из Объединенного дворянства вышли четыре губернских дворянских общества, а 22 – заявили о неодобрительном к нему отношении¹²¹. 12 мая 1916 г. состоялся съезд губернских дворянских предводителей, который пришел к выводу, что Струков выдал мнение руководства дворянской организации за мнение всего дворянства. В августе 1916 г. собрался второй съезд губернских предводителей, высказавшийся за ограничение полномочий и обновление состава Постоянного совета¹²². Таким образом, значительная часть дворянской организации, традиционно придерживавшейся жесткой консервативной линии, пошла на разрыв с крайне правой.

Последовательным сторонником более гибкой линии среди консервативных средств массовой информации оставался «Колокол». Подводя итоги пребывания Горемыкина на посту главы правительства, газета упрекала его в авторитаризме, игнорировании общественного мнения и мнения коллег¹²³. Янов выражал надежду, что новый премьер, Штюрмер, поведет себя иначе и вступит с блоком в диалог ради решения «конкретных вопросов *преобразовательного характера* [курсив мой. – М.Л.]»¹²⁴. Редакция «Колокола» не усматривала принципиальных противоречий между установками Штюрмера и Прогрессивного блока¹²⁵.

«Колокол» определял себя как выразителя «государственного консерватизма» - идеологии «третьего пути», который противостоял и реакции, и революции. Защищая «разумную свободу» и «самодетельность населения», он осуждал «казеннокоштный ура-патриотизм и рабские навыки». Образцом истинного консерватора объявлялся Столыпин, как «сторонник и проводник начал национальной эволюции и постепенного прогресса». Либеральные и консервативные принципы должны были сочетаться «в

гармонической комбинации»¹²⁶. Централизованную государственную власть надлежало сочетать с широкой общественной инициативой на местах¹²⁷. В отличие от крайних правых, «Колокол» в целом позитивно оценивал деятельность вклад Думы в военные усилия и обеспечение связи между государственными институтами и населением¹²⁸.

Важнейшим предварительным условием политической консолидации «Колокол» считал объединение консервативных элементов. «...Образование Прогрессивного блока я считаю вполне естественными, - писал по этому поводу один из журналистов издания в августе 1916 г. - Но либералы наши, если хотят быть честными, должны признать права гражданства и за представителями другого течения, постольку они искренне и правдиво смотрят на русскую жизнь»¹²⁹. Со своей стороны, правым предстояло избавиться от пренебрежения к праву и злоупотребления силой¹³⁰. Война требовала модифицировать программы правых политических объединений, сложившиеся в условиях революции 1905 г., чтобы распространить их влияние на все категории населения. Главная внутривполитическая задача правых организаций состояла в том, чтобы «поддержать созданное войной *единение* всех русских граждан, верных своему долгу пред Царем и Родиной». Это предполагало «к общегосударственному созидательному труду привлекать не одних только коренных русских людей, но инородцев, доблестью своего духа, стяжавших себе почетное право работать на благо родины в рядах российских патриотов-монархистов»¹³¹.

«Штурм власти» и дальнейшая дифференциация правых.

Судя и по источникам личного происхождения, и публичным выступлениям накануне открытия очередной сессии представительных учреждений 1 ноября 1916 г., правые, независимо от оттенков, сомневались в возможностях реально существующего правительства переломить ситуацию. И умеренные и крайние правые ощущали приближающуюся катастрофу. «Мы катимся по наклонной плоскости. Под нами зияющая бездна. А в государственной жизни зреют беспорядки и волнения. Революция изготовилась до последнего бантика, а контрреволюция где? Ее не видно. В кровавом зареве закатываются дни наши», - писал в начале октября 1916 г. Восторгов¹³². И продолжал тремя неделями позже: «...Впереди не остается ровно никаких надежд на будущее доброе. Только чудо Бога спасет нас, но чудо Бога тоже надо заслужить, хотя бы смирением и сознанием греха. А этого-то и нет»¹³³. С Восторговым была солидарна

Облеухова: «...Недовольство и возмущение объединяет всех и вся. Нужна только малейшая искра, чтобы начались поголовные погромы»¹³⁴.

На этом фоне естественным развитием событий выглядела история с выходом Пуришкевича из думской фракции правых, которая, в конечном итоге, привела к ее организационному распаду. Пуришкевич, на заседании фракции правых 18 ноября конспективно изложивший содержание своей предполагавшейся речи в Думе, не получил поддержки коллег. Тогда он вышел из фракции и на следующий день выступил с резкими обвинениями в адрес правительства¹³⁵. Попытка Маркова 22 ноября опровергнуть Пуришкевича с думской трибуны закончилась скандалом из-за возникшей перепалки между ним и председательствовавшим в Думе М.В. Родзянко. Маркова исключили на 15 заседаний, а из фракции вышло подавляющее большинство ее членов, составивших новое думское объединение - «фракцию независимых правых»¹³⁶.

Еще одним выражением тенденции к консолидации умеренных элементов российской правой и ее сближения с оппозицией стал XII съезд Объединенного дворянства. 1 декабря 1916 г. съезд принял резолюцию, отметившую, что «монархическое начало, эта вековая основа государства, претерпевает колебание в своих собственных устоях». Под влиянием «безответственных темных сил» оказались и «верхи власти», и «управление церковное». Позитивные предложения сочетали традиционные для русского консерватизма мотивы («создать правительство сильное, русское по мысли и чувству»), либеральную риторику («пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе») и элементы бюрократического дискурса («должно быть вооружено в лице председателя Совета министров полностью власти и сплочено единством общей программы»)¹³⁷. Вполне адекватными этой резолюции выглядели изменения в руководстве Объединенного дворянства. Вместо автора скандального письма - А.П. Струкова, пост председателя Постоянного совета занял А.Д. Самарин, имевший репутацию сторонника диалога с блоком и изгнанный из правительства осенью 1915 г. Впоследствии царь не преминул выразить недовольство случившимся и весьма холодно принял нового лидера Объединенного дворянства¹³⁸.

Если большинство думской правой и Объединенное дворянство в конце 1916 – начале 1917 г. в своих политических установках смещалось влево, навстречу Прогрес-

сивному блоку, то «Колокол» двигался в противоположном направлении. Главным виновником политической нестабильности газета объявляла не правительство, а Прогрессивный блок. Как утверждалось в передовой за 15 ноября 1916 г., в блоке «все – временное, все – случайное, все – бессистемное, беспрограммное, безотчетное, непоследовательное»¹³⁹. Оставалось - «опираться только на правительство и поддерживать это правительство всеми силами...»¹⁴⁰. Разумеется, и правительство, в свою очередь, должно было идти навстречу обществу и проводить политику «просвещенного консерватизма», которая ассоциировалась с именами высокопоставленных бюрократов, считавшихся наиболее склонными к политическому диалогу – А.В. Кривошеина, А.Н. Наумова, С.Д. Сазонова, П.Н. Игнатъева¹⁴¹. Однако центром общественной консолидации мог быть только царь. «...России нужно единение всех партий, всех сословий под Державным Скипетром Монарха – единого светлого источника правды и милости»¹⁴².

Крайние правые восприняли события начавшейся 1 ноября сессии Государственной Думы и Государственного Совета как проявления прямой атаки оппозиции на монархию. Между тем, правительство, как им казалось, старалось дистанцироваться от правых. «Трудное время переживаем мы. Нужно иметь стальные нервы, чтобы стойко переносить удары то справа, то слева. Не знаю даже, кто бьет больше; мною лично особенно остро чувствуются удары, наносимые нашими прежними единомышленниками и, прежде всего и больше всего – Б.В. Штюрмером»¹⁴³. В действиях правительства правым не хватало твердости. «Происки господ, прикрывшихся щитом общест-венности, не встречают ни малейшего отпора, напротив, правительство распластывается пред этими господами. Не хочется мириться с таким положением. Надо что-нибудь делать. Необходимо предпринять что-нибудь против общего губительного направления, и во главе этого движения должны стать вы», - обращался к Маклакову Пасхалов¹⁴⁴. Дубровин в «Русском знамени» предлагал распустить Думу до окончания войны¹⁴⁵.

26 ноября 1916 г. на заседании Государственного Совета с большой речью выступил Маклаков. Решающее значение оратор придавал установлению правительственного контроля над деятельностью общественных организаций, ибо они боролись в тылу не столько с врагом, сколько с властью. «Он [тыл – М.Л.] *делает все для войны, но для войны с порядком*. Он делает все для победы, но для победы над властью». Последняя

же оказалась не в состоянии справиться с этим вызовом, и «торжествующая гипертрофия общественности превращается в диктатуру, а атрофия власти переходит в ее агонию». Маклаков требовал остановить распад системы управления. «Нет у правительства более неотложной задачи, нет и не должно быть более насущной программы, как восстановление всеми нарушаемого закона, как укрепление государственного порядка. А порядок этот должен быть укреплен во что бы то ни стало, и охраняем он должен быть строго и неусыпно»¹⁴⁶.

Чем дальше, тем чаще, крайние правые политические деятели и идеологи акцентировали необходимость не восстановить оказавшийся недостаточно жизнеспособным порядок, но создать новый. Проект социально-политического переустройства в духе корпоративизма сформулировал в декабре Д.И. Булатович. Промышленников и рабочих, равно, как помещиков и крестьян, он отнес к «производительному классу» (первый элемент каждой пары олицетворял собой капитал - «накопленный труд», второй – «наличный труд»). «Производительный класс» противопоставлялся паразитическому «посредническому». Государственный Совет и Государственная Дума рассматривались как «искусственно созданная твердыня вреднейших для государства категорий посреднического класса» и подлежали упразднению. Основным инструментом борьбы с «посредническим классом» объявлялось огосударствление всех сторон жизни. Следовало упростить законодательство, усилить влияние государственных органов на принятии судебных решений, самоуправление, печать, образование. Государство должно было взять на себя содержание духовенства и обязать его принимать посильное участие в производительном труде. Это требование предлагалось распространить и на другие категории населения¹⁴⁷.

В январе 1917 г. Булатович вновь обратился к проблеме контроля над бюрократией, предложив сформировать особый «Правительственный корпус», члены которого могли бы участвовать в заседаниях правительства. Этот институт должен был усилить надзор над министерской бюрократией, предотвратив «вреднейшие колебания курса из стороны в сторону»¹⁴⁸. По мнению Булатовича, основополагающими христианскими принципами организации власти выступали единоначалие и всеобъемлющий контроль сверху. «Идеальной формой правления по системе христианской государственности является та, которая всеми признается до сих пор единственной и для всякой

армии: во главе государства, армии Христовой, стоит одно лицо, держащее в своих руках все нити управления – команды»¹⁴⁹.

Автор, уже упоминавшейся статьи «Министр», опубликованной в августе 1916 г. «Русским знаменем», И.Л. Цытович, в январе 1917 г. выпустил брошюру «Высшее государственное попечительство». По его мнению, произошедшее с момента публикации «Министра» лишь подтвердило обоснованность его августовских предложений. Ни Дума, ни правительство, ни Государственный Совет, не могли эффективно решать насущные задачи, тем более – видеть стратегическую перспективу. Все это могло бы обеспечить лишь непосредственно подчиненное государю Высшее государственное попечительство как орган обеспечивающий контроль Верховной власти над бюрократическим аппаратом¹⁵⁰.

Продолжал настаивать на пересмотре Основных законов Тиханович-Савицкий. В январе 1917 г. Он предлагал одному из лидеров думской правой Г.Г. Замысловскому подготовить к концу войны три варианта такого пересмотра: «1) с основательными изменениями, 2) со средними, 3) с незначительными, легко приемлемыми». При этом предлагалось «в каждом из них предусмотреть лазейку, допускающую дальнейшие совершенствования их в порядке Верховного Управления...»¹⁵¹

С призывом «*не откладывать изменения предательски составленных Основных законов*» [курсив мой. – М.Л.] Тиханович-Савицкий обращался и к Александре Федоровне. Очевидно, позиция в этом вопросе императорской четы вызывала у него определенные сомнения. В письме Маклакову он предлагал «окружить ГОСУДАРЯ и в Царском, и в Ставке только правыми... и быть ближе к ЦАРИЦЕ, и не дать ей уйти от нас»¹⁵². Отдавая себе отчет в том, что атака на статус-кво справа может спровоцировать кровопролитие, автор интересовался у адресата, готов ли тот подавить сопротивление, если бы его назначили министром, и просил назвать военачальников, на которых можно было бы положиться¹⁵³.

Вопрос о политическом переустройстве поднимали и другие представители крайней правой. Несколько записок, предлагавших серьезные институциональные изменения, на рубеже 1916 – 1917 гг. вышли из консервативного кружка А.А. Римского-Корсакова¹⁵⁴. Одну из них передал Николаю II Н.Д. Голицын. В записке, подготовленной членом правой группы Государственного Совета М.Я. Говоруха-Отроком, предла-

галось распустить Государственную Думу без указания срока созыва и объявить о предстоящем пересмотре Основных Законов. По мнению составителя, конституционная реформа в России закончилась полной неудачей. «Неудачно задуманная и еще более неудачно осуществленная 10 лет тому назад реформа», - так характеризовались Основные Законы 1906 г. Записка выделяла два главных недостатка новой политической конструкции: нечеткость в разграничении полномочий между монархом и представительными учреждениями и «совершенную несостоятельность положения о выборах в Думу».

Первый недостаток преодолевался превращением законодательного представительства в законосовещательное. От второго – избавляли выборы по сословиям; причем количество избранных должно было превышать число думских мест, чтобы окончательный отбор производился «по жребию, а всего лучше по Высочайшему соизволению...». Правительству предлагалось выделить средства и создать специальную организацию, способную обеспечить проправительственное большинство в Думе. Состав и полномочия и Государственного Совета также должны были измениться. Во-первых, из него следовало удалить участников Прогрессивного блока. Во-вторых, предлагалось представлять царю законопроекты с изложением мнением большинства и меньшинства, оставляя окончательное решение за государем¹⁵⁵.

По-видимому, обсуждение проектов конституционной реформы правыми продолжалось вплоть до февральских событий. 15 февраля Тиханович-Савицкий вновь тормозил Замысловского: «Займитесь, пожалуйста, Основными Законами... Пока мы не добьемся исправления их – не добьемся ничего; толчение воды в ступе»¹⁵⁶.

Выводы

Победа контрреволюционных сил над революцией 1905 г., символическим выражением которой стали разгон второй Думы и избирательный закон 3 июня 1907 г. оказалась пирровой. Возможности короны в законодательной области оставались ограниченными, правительство было вынуждено считаться с мнением выборных представителей населения, либеральная оппозиция сохранила солидное влияние на политический процесс.

После победы над революцией правое движение раскололось, и к началу Первой мировой войны российская правая была представлена тремя крупными организациями

– Союзом русского народа, Союзом Михаила Архангела и Всероссийским Дубровинским союзом русского народа. Между ними существовали определенные расхождения, обусловленные не только столкновением амбиций лидеров и борьбой за правительственные субсидии, но и разногласиями по принципиальным политическим вопросам.

Война создала дополнительные стимулы для дифференциации правой. Ключевую роль в развитии этого процесса сыграли разногласия относительно «духа 1914 года». Для одних представителей правой его возникновение стало аргументом в пользу сохранения в российской политической повседневности демократических институтов и норм. Другие были убеждены в том, что массовый патриотический подъем скоро угаснет. Жесткий контроль государства над институтами гражданского общества, казался более надежным способом обеспечить социальную стабильность, чем диалог с ним. В дальнейшем эта позиция стала основанием для планов слома статус-кво справа и устранения демократических институтов и практик из российской политики.

В результате, в условиях войны заметно расширился политический диапазон российской правой, как в направлении консервативно-либерального консенсуса, так и правого радикализма. Развитие столь разнонаправленных тенденций усилило разногласия среди правых, способствуя поляризации консервативного лагеря.

Стремление к переустройству реально существовавшего политического порядка оказалось намного сильнее стремления к его сохранению. Правые в целом, независимо от политических оттенков, восприняли войну как шанс на политическое переустройство: пафос перемен оказался сильнее пафоса сохранения. Угроза монархии и монарху вызвала у российских правых не столько желание защитить старый порядок, сколько объяснить, что тот защиты не достоин.

¹ Автор искренне признателен Центрально-Европейскому университету (Будапешт), и Германскому историческому институту (Москва) за финансовую и организационную поддержку исследований и лично профессору А. Дж. Риберу за дружеское участие и консультации, организаторам исследовательского семинара Факультета истории Центрально-Европейского университета и Центру сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета за возможность обсудить основные положения статьи на их заседаниях, профессорам И.К. Кирьянову, Марку Д. Стейнбергу и анонимным рецензентам за ценные советы. Отдельная благодарность Павлу Михайловичу Еговцеву и Михаилу Донатовичу Суслову за помощь в переводе статьи на английский язык.

² См., например: Rogger H. *Russia // The European Right: A Historical Profile*/ Ed. by Hans Rogger and Eugen Weber. Berkeley; Los Angeles, 1966. P. 443-500; Löwe H-D. *Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft, 1890-1917*. Hamburg, 1978; Manning R.T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton, 1982; Wcislo F.W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National politics, 1855-1914*. Princeton, 1990; Waldron P. *Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. De Kalb, 1998; Korros A.S. *Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism, and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906-1911*. Lanham, 2002. Кирьянов Ю.И. *Правые партии в России. 1911-1917 гг.* М., 2001; Степанов С.А. *Черная сотня. Что они сделали для величия России?* М., 2013.

³ Иванов А.А. *Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870-1920)*. М.; СПб., 2010. С. 247.

⁴ Н.Н. Тиханович-Савицкий – Н.Н. Родзевичу, 4 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1036, л. 1900.

⁵ [Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде 26-29 ноября 1915 г.] // *Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. Т. 2. 1911-1917 гг.* Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. С. 502. См. также: Архиепископ Никон – С.А. Нилусу, 31 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1030, л. 1304.

⁶ К.Н. Пасхалов – Н.А. Маклакову, 29 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265, д. 1036, л. 1830.

⁷ Государственная Дума. *Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание 6.* Пг., 1916. Стб. 261.

⁸ См.: *На легком тормозе – вперед...* // Колокол. 1915. 18 августа. С. 1.

⁹ См.: *Протокол Заседания Постоянного совета Объединенных дворянских обществ*, 19 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 434, оп. 1, д. 87, л. 3об.

¹⁰ О политической истории российской правой этого периода см. подробнее: Кирьянов Ю.И. *Правые партии в России. 1911-1917*. М., 2001; Иванов А.А. *Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917)*. СПб., 2006; Иванов А.А. *Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917)*. М.; СПб., 2013.

¹¹ *Русское знамя*, 1912. 6 декабря. С. 2.

¹² См.: Шечков Г.А. *Государственная дума и несостоятельность начала большинства, как принципа государственно-общественного строительства*. Харьков: Мирный труд, 1911. Автор неоднократно выступал на эту тему в Русском собрании. См.: Кирьянов Ю.И. *Русское собрание, 1900-1917*. М., 2003. С. 155, 157-158.

¹³ Тихомиров Л.А. *Об исправлении кодификации 1906 года // К реформе обновленной России (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.)*. М., 1912. С. 258.

¹⁴ *Предвыборное воззвание к Русскому Народу Русского Народного Союза имени Михаила Архангела // Прямой путь*. 1912. Май. С. 776.

¹⁵ Юрский Г. [Замысловский Г.Г.] *Правые в Третьей Государственной Думе*. Харьков, 1912. С. 14.

¹⁶ Последнее обстоятельство уже отмечалось историками. См., например: Hosking J.A and R.T. Manning. *What Was the United Nobility?* // Haimson L., ed. *The Politics of Rural Russia, 1905-1914*. Bloomington, 1979. P. 142-183; Manning R.T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton, 1982. P. 325-371; Waldron P. *Between Two Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia*. De Kalb, 1998. P. 115-186; Loukianov M. *Conservatives and “Renewed Russia”, 1907-1914 // Slavic Review*. 2002. Vol. 41. No. 4. P. 762-786.

¹⁷ Подробнее о внешнеполитических представлениях правых см.: Репников А.В. *Консервативные концепции переустройства России*. М., 2007. С. 223–273; *Свет и тени великой войны. Первая мировая в документах эпохи / сост.: А.В. Репников и др.* М., 2014. С. 9–73.

¹⁸ *Сообщники и пособники Мордки Богрова // Прямой путь*. 1911. Ноябрь. С. 84.

¹⁹ *Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ / сост. А.П. Корелин. Т. 2. Кн. 1.* М., 2001. С. 444.

²⁰ Глинка С. *Добились своего!* // *Земщина*. 1914. 19 июля. С. 3.

²¹ *Прежде всего – сдержанность и выдержка // Московские ведомости*. 1914. 30 июля. С. 1.

²² *Вся Россия – одна семья // Колокол*. 1914. 13 августа. С. 1.

- ²³ А.И. Соболевский – Ю.А. Кулаковскому, 5 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 992, л. 1161.
- ²⁴ С.Л. Облеухова – В.М. Пуришкевичу, 20 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф.102, оп.265, д.994, л.1324.
- ²⁵ А.К. Варженевский – С.Д. Шереметеву, 20 августа 1914 г. // РГАДА. Ф.1287, оп. 1, д. 5123, л. 176-176об.
- ²⁶ Значение первой нашей победы // Московские ведомости. 1914. 12 августа.
- ²⁷ Володимеров С. Просветы III. // Земщина. 1914. 22 августа. С. 3.
- ²⁸ Н.Н. Родзевич – В.Н. Родзевичу, 26 июля 1914 г. // ГАРФ, Ф. 102, оп. 265, д. 991, л. 940.
- ²⁹ Дневник Б.В. Никольского, запись 27 июля 1914 г. // РГИА. Ф. 1006, д. 46, л. 344.
- ³⁰ Русское знамя. 1914. 3 августа. С. 1.
- ³¹ А.И. Соболевский – Ю.А. Кулаковскому, 5 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 992, л. 1161.
- ³² А.К. Варженевский – С.Д. Шереметеву, 4 августа 1914 г. // РГАДА. Ф.1287, оп. 1, д. 5122, л. 124об. См. также: Н.С. Мальцов – С.Д. Шереметеву, 7 августа 1914 г. // РГАДА. Ф.1287, оп. 1, д. 5122, л. 140об.
- ³³ Н.А. Зверев – С.Д. Шереметеву, 12 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 993, л. 1236.
- ³⁴ С.Д. Шереметев - Н.А. Звереву, 19 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 994, л. 1311.
- ³⁵ Щегловитова М. Мои воспоминания о муже, Иване Григорьевиче Щегловитове // РГАЛИ. Ф. 1208, оп. 1, д. 52, л. 48.
- ³⁶ Глинка С. Не опасно ли? // Земщина. 1914. 25 августа. С. 2.
- ³⁷ Протоиерей И. Восторгов – Епископу Макарию, 9 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д.993. л. 1209.
- ³⁸ С.Л. Облеухова – В.М. Пуришкевичу, 20 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д.994, л. 1324.
- ³⁹ См.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика. С. 194.
- ⁴⁰ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия III. Заседание 2. 28 января 1915 г. Пг., 1915. Стб. 141.
- ⁴¹ Благовест раздался // Колокол. 1914. 16 октября. С. 1.
- ⁴² Витязь [Янов П.Н.] Колокол. 1915. 16 января. С. 1.
- ⁴³ По поводу «Воззвания» Верховного Главнокомандующего к Польскому народу. М., 1915. С. 15.
- ⁴⁴ См.: Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 75.
- ⁴⁵ Русское знамя. 1915. 25 января. С. 1.
- ⁴⁶ - въ. У уходу г. Тимашева // Русское знамя. 1915. 22 февраля. С. 1.
- ⁴⁷ См. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия III. Пг., 1915. Стб.130. См. также: Русское знамя. 1915. 16 января. С.1.
- ⁴⁸ Пасхалов К.Н. Отзыв на «Записку “По поводу «Воззвания» Верховного Главнокомандующего к Польскому народу”» Ф.Д. Самарина и др. М., 1915. С. 20, 35.
- ⁴⁹ Дневник Б.В. Никольского, запись 8 июня 1915 г. // РГИА. Ф. 1006, оп. 1, д., л. 359.
- ⁵⁰ А.И. Соболевский – Ю.А. Кулаковскому, 16 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1023, л. 148-148об.
- ⁵¹ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 6, 8–9.
- ⁵² П.Н. Дурново – Е.А. Нарышкину, 11 июля 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1025, л. 339.
- ⁵³ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Пг., 1915. Стб. 35.
- ⁵⁴ Дневник Б.В. Никольского, запись 21 июля 1915 г. // РГИА. Ф. 1006, оп.1, д. 46, л. 364.
- ⁵⁵ Дневник Б.В. Никольского, запись 26 июля 1915 г. // РГИА. Ф. 1006, оп.1, д. 46, л. 365.
- ⁵⁶ Н.А. Маклаков – К.Н. Пасхалову, 30 июля 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1026, л. 500.
- ⁵⁷ Решение о необходимости обращения было принято на заседании Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. См.: Протокол заседания Постоянного совета Объединенных дворянских обществ 22 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 434, оп.1, д. 85, л. 35.
- ⁵⁸ Письмо Постоянного совета Съездов уполномоченных дворянских обществ председателю Совета министров И.Л. Горемыкину от 23 августа 1915 г. // Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 / сост. А.П. Корелин. М., 2002. Т. 3. С. 854.
- ⁵⁹ Его материалы были включены в качестве приложений к изданию «Трудов» Нижегородского монархического съезда, состоявшегося в конце ноября 1915 г. См.: Труды Всероссийского монархиче-

ского совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 11-19.

⁶⁰ В. Зверев – С.Д. Шереметеву, 2 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265, д. 1030, л. 1328.

⁶¹ Н.Е. Марков – Н.Е. Татищеву, 14 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265, д. 1014, л. 749.

⁶² Н.А. Маклаков – Н.Ф. Бурдукову, 22 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265, д. 1032, л. 1482-1482об.

⁶³ А.И. Дубровин – Н.Н. Родзевичу, 20 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265, д. 1032, л. 1472.

⁶⁴ Н.Н. Родзевич – А.И. Дубровину, 7 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1034, л.1667-1667об.

⁶⁵ Н.Н. Родзевич – А.И. Дубровину, 7 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1034, л. 1636.

⁶⁶ И.И. Дудниченко – Н.Н. Тихановичу-Савицкому, 25 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1036, л. 1803.

⁶⁷ М.А. Орфенов – Н.Н. Родзевичу, 25 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1033, л. 1508. С довоенной поры «маргариновыми», т.е., «ненастоящими» монархистами дубровинцы называли сторонников думской правой.

⁶⁸ К.Н. Пасхалов – Н.А. Маклакову, 31 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1036, л. 1857.

⁶⁹ См.: [Совещание представителе правых партий и организаций правых деятелей в Петрограде] 21-23 ноября 1915 г. // Правые партии. Т. 2. С. 484-494; [Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде] 26-29 ноября 1915 г. // Там же. С. 496-520.

⁷⁰ Кириянов Ю.И. Правые партии в России, 1911-1917. М., 2001. С. 237-259.

⁷¹ [Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде 26-29 ноября 1915 г.] // Правые партии. Т. 2. С. 513-514.

⁷² Письмо графа А. Бобринского - председателю совещания (съезда) монархистов в Петрограде И.Г. Щегловитову, 22 ноября 1915 г. // Правые партии. Т.2. С. 494-495.

⁷³ «Душевно преданный В.Б.» - Г.Г. Замысловскому, 29 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1038, л. 2091.

⁷⁴ Павлов Н.А. Не мешайте... // Московские ведомости. 1915. 25 ноября. С. 2.

⁷⁵ И.И. Восторгов - Епископу Макарию, 5 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1013, л. 40.

⁷⁶ См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 72. Марков впоследствии утверждал, что в тот момент не разобрался в маневрах организаторов Прогрессивного блока. См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 2475.

⁷⁷ И.И. Восторгов – Е.Ф. Восторговой, 7 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1030, л. 1397.

⁷⁸ Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 86, 94, 108-109.

⁷⁹ Итоги первого боевого года: в тылах и на фронте. Доклад В.М. Пуришкевича в русском собрании 4 сентября 1905 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2014. С. 176-177.

⁸⁰ Пуришкевич о И.Г. Щегловитове и его близких // Колокол. 1915. 3 декабря. С. 3. См. также: От Главной палаты. Р[усского] н[ародного] союза имени Михаила Архангела // Там же. С. 3.

⁸¹ См., например: Витязь [Янов П.Н.]. Победим ли мы? // Колокол. 1915. 13 августа. С. 1.

⁸² Вл. Смоленский. [Руадзе В.] Внутренние немцы // Колокол. 1915. 20 августа. С. 3.

⁸³ См.: Витязь [Янов П.Н.]. Заневестившаяся общественность // Колокол. 1915. 20 августа. С. 1, 2.

⁸⁴ Взаимность программных уступок // Колокол. 1915. 29 августа. С. 1.

⁸⁵ Витязь [Янов П.Н.]. Политические письма // Колокол. 1915. 13 сентября. С. 2.

⁸⁶ Витязь [Янов П.Н.]. Общее русло // Колокол. 1915. 20 сентября. С. 1.

⁸⁷ В период бездумья // Колокол. 1915. 8 октября. С. 1.

⁸⁸ Возрождение дворянства // Колокол. 1915. 10 октября. С. 1.

⁸⁹ См.: Вл. Смоленский [Руадзе В.]. К съезду «правых» // Колокол. 1915. 18 ноября. С. 2. Бюрократический абсолютизм // Колокол. 1915. 18 ноября. С. 1; Вл. Смоленский [Руадзе В.]. Узурпаторы // Колокол. 1915. 26 ноября. С. 2.

⁹⁰ Мир внутренний // Колокол. 1915. 11 декабря. С. 2.

⁹¹ Два лагеря // Колокол. 1915. 9 декабря. С. 1.

⁹² См.: Докладная записка журналиста Вл. Руадзе (Вл. Смоленского) «О милитаризации правого движения в России». С. 155. Докладная записка журналиста Вл. Руадзе (Вл. Смоленского) «О милитаризации правого движения в России» в: Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. / публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. №3. С. 155, 157.

⁹³ А.С. Вязигин – Д.П. Голицыну, 30 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1039, л. 2106.

⁹⁴ К.Н. Пасхалов – Н.А. Маклакову, 19 декабря 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1040, л. 2280-2280об. Некоторое время спустя он сетовал: «Мы, несчастные правые, царапаемся за всякую поддержку, которую, увы, так редко находим в величественных сферах» (К.Н. Пасхалов – А.А. Ширинскому-Шихматову, 12 января 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1048, л. 88).

⁹⁵ Д.А. Хомяков – К.Н. Пасхалову, 20 января 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1049, л. 135.

⁹⁶ К.Н. Пасхалов – И.И. Дудниченко, 22 января 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1049, л. 159.

⁹⁷ И.И. Дудниченко – К.Н. Пасхалову, 26 января 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1049, л. 194.

⁹⁸ А.И. Дубровин – И.И. Дудниченко, 29 января 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1050, л. 227.

⁹⁹ К.Н. Пасхалов – Н.А. Маклакову, 18 февраля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1051, л. 479об.

¹⁰⁰ А.К. Варженевский – С.Д. Шереметеву, 13 февраля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1052, л. 401.

¹⁰¹ См.: А.И. Соболевский – Ю.А. Кулаковскому, 15 февраля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1052, л. 435.

¹⁰² Дневник Б.В. Никольского, запись 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф. 1006, д. 46, л. 378об.

¹⁰³ К.Н. Пасхалов – Н.Н. Родзевичу, 22 апреля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1054, л. 34.

¹⁰⁴ К.Н. Пасхалов – Н.А. Маклакову, 2 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1056, л. 675.

¹⁰⁵ И.И. Дудниченко – Н.Н. Тихменеву, 15 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1057, л. 766.

¹⁰⁶ С. Глинка-Янчевский – М.В. Алексееву, 18 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1057, л. 796.

¹⁰⁷ Володимиров С. Просветы // Земщина. 1914. 13 августа. С. 3.

¹⁰⁸ Тихменев Н. Ко всем монархическим организациям в России // Труды всероссийского монархического совещания в городе Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 19.

¹⁰⁹ Н.Н. Тихменев – Н.Н. Родзевичу. 9 мая 1916 г. // Ф. 102, оп. 265, д. 1054, л. 105об.

¹¹⁰ [Основные положения народных монархических союзов, предложенные председателем астраханской народной монархической партии] // Правые партии. Т. 2. С. 552, 556.

¹¹¹ Цытович И.Л. Министр // Русское знамя. 1916. 23 августа. С. 2.

¹¹² См.: Люцилий [Булатович Д.И.] Первая реформа // Русское знамя. 1916. 14 октября. С. 2.

¹¹³ Люцилий [Булатович Д.И.] Первая реформа // Русское знамя. 1916. 14 октября. С. 2

¹¹⁴ Люцилий [Булатович Д.И.] Первая реформа. II // Русское знамя. 1916. 15 октября. С. 1.

¹¹⁵ Люцилий [Булатович Д.И.] Вторая реформа // Русское знамя. 1916. 19. Октября. С. 1. См. также: Люцилий [Булатович Д.И.] Вторая реформа. II // Русское знамя. 1916. 20. Октября. С. 2.

¹¹⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 1499, 1500, 1502-1503, 1504-1505.

¹¹⁷ Пуришкевич В.М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 79-80, 88, 111.

¹¹⁸ Пуришкевич В.М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 136-137.

¹¹⁹ И.И. Дудниченко – А.И. Дубровину, 21 февраля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1053, л. 505.

¹²⁰ И.И. Дудниченко – Л.И. Самарскому-Липицкому, 30 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1058, л. 874. О влиянии войны на эволюцию политических взглядов Пуришкевича см.: Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: Новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 176-178; Иванов А.А. Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика. С. 218-236; Langer J. Fighting the Future: the Doomed Anti-Revolutionary Crusade of Vladimir Purishkevich // Revolutionary Russia. 2006. Vol. 19. No. 1. P. 43.

¹²¹ С. Панчулидзе – А.П. Струкову, 1 февраля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1050, л. 271об.

- ¹²² По подсчетам М.А. Бибина, письмо не получило одобрения подавляющего большинства - 23 организаций, входивших в состав Объединенного дворянства. См.: Бибин М.А. Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915-1916 гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 1980. № 1. С. 40-42.
- ¹²³ Задачи премьера // Колокол. 1916. 26 января. С. 1.
- ¹²⁴ Витязь [Янов П.Н.] Правительство и прогрессивный блок // Колокол. 1916. 7 февраля. С. 1-2.
- ¹²⁵ Две декларации // Колокол. 1916. 11 февраля. С. 1.
- ¹²⁶ В. Петрович. Государственный консерватизм // Колокол. 1916. 19 февраля. С. 1.
- ¹²⁷ Единение местных правительственных и общественных властей // Колокол. 1916. 7 мая. С. 1.
- ¹²⁸ К. Рудин. Депутатские полномочия // Колокол. 1916. 18 августа. С. 1.
- ¹²⁹ Р. Новый. Отрядный факт // Колокол. 1916. 13 августа. С. 2.
- ¹³⁰ Германославянофилы // Колокол. 1916. 6 сентября. С. 1.
- ¹³¹ В.Р. Думы и впечатления (Об отечественном патриотическом союзе) // Колокол. 1916. 30 сентября. С. 1. В качестве основного политического инструмента для реализации этой идеи назывался Отечественный патриотический союз, ключевую роль в создании которого сыграл редактор газеты В.М. Скворцов. См.: Там же. Подробнее об Отечественном патриотическом союзе см.: Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001. С. 219-226; 281-288.
- ¹³² И.И. Восторгов – Н.Ч. Зайончковскому, 4 октября 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1056, л. 692.
- ¹³³ И.И. Восторгов – В.Д. Гнилову, 26 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1058, л. 846.
- ¹³⁴ С.Л. Облеухова – В.М. Пуришкевичу, 12 октября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1057, л. 754.
- ¹³⁵ Подробнее об этом см.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. С. 239-253.
- ¹³⁶ По сведениям А.Б. Николаева, буквально накануне Февраля эта группа присоединилась к Прогрессивному блоку. См.: Николаев А.Б. Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года. Введение // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 235.
- ¹³⁷ Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. Т. 3. М., 2002. С. 713.
- ¹³⁸ См.: Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. С. 234.
- ¹³⁹ Переоценка политических событий // Колокол. 1916. 15 ноября. С. 1.
- ¹⁴⁰ Роль доигрывается // Колокол. 1916. 15 декабря. С. 1.
- ¹⁴¹ Трагедия прогресса // Колокол. 1917. 20 января. С. 1.
- ¹⁴² От доверия к правде // Колокол. 1917. 1 февраля. С. 1.
- ¹⁴³ Н. Зверев – С.Д. Шереметеву, 6 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1059, л. 1059, л. 939.
- ¹⁴⁴ К.Н. Пасхалов – Н.А. Маклакову, 21 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1062, л. 1204.
- ¹⁴⁵ См.: Дубровин А.И. Власть и «Они» // Русское знамя. 1916. 23 ноября. С. 2. Судя по личным письмам, эта идея была весьма распространена среди крайних правых. См., например: Н.Н. Родзевич – Е.А. Орловой, 8 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1059, л. 980.
- ¹⁴⁶ Речь Н. А. Маклакова 26 ноября 1916 г. в заседании Государственного Совета // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2014. С. 487–488.
- ¹⁴⁷ Люцилий. [Булатович Д.И.] Путь и вехи // Русское знамя. 1916. 11 Декабря. С. 1.
- ¹⁴⁸ Люцилий. [Булатович Д.И.] Три мысли // Русское знамя. 1917. 20 января. С. 1-2.
- ¹⁴⁹ Люцилий. [Булатович Д.И.] Христианская государственность. II // Русское знамя. 1917. 26 января. С. 1.
- ¹⁵⁰ Цытович И.Л. Высшее государственное попечительство. Киев, 1917. С. 11-12.
- ¹⁵¹ Н.Н. Тиханович-Савицкий – Г.Г. Замысловскому, 18 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1069, л. 119.
- ¹⁵² Н.Н. Тиханович-Савицкий – Н.А. Маклакову, 31 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 10об.

¹⁵³ Н.Н. Тиханович-Савицкий – Н.А. Маклакову, 31 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 11.

¹⁵⁴ Общую характеристику этих записок см.: Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XX– начало XIX века). СПб., 2007. С. 224. Подробнее о кружке и его деятельности см.: Там же. С. 205-230.

¹⁵⁵ Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным] // Правые партии. Т. 2. С. 591-592, 593, 595.

¹⁵⁶ Н.Н. Тиханович-Савицкий – Г.Г. Замысловскому, 15 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 61.